

Глава 33. Отходил так, что с кровати не встать

Лу Лю ещё с вечера поставил томиться свиной желудок. Сам он не очень понимал, как подступиться к такому субпродукту, но Ли Фэн объяснил: сначала обдать кипятком, затем обжарить и только потом — тушить.

Когда Лу Лю признался в своём неумении, на душе у него было беспокойно. Всё-таки его муж вырос в уезде и наверняка пробовал всякие деликатесы, а если и не пробовал, то знал, как их готовить. Не то что он — всю жизнь в деревне, многих вещей и в глаза не видел.

Но Ли Фэн, на удивление, не увидел в этом никакой проблемы. Рассказав, как обращаться с желудком, он лишь напомнил, что тот готовится довольно быстро, поэтому огонь в печи должен быть слабым.

«Ещё один день прошёл удачно», — радостно подумал Лу Лю, чувствуя, как гора свалилась с плеч.

Желудок томился в глиняном горшочке. К утру вода немного выкипела, и бульон стал наваристым. Чтобы не остужать еду лишний раз, переливая её, Лу Лю решил оставить всё как есть. Он обмотал горшочек соломенной верёвкой, аккуратно поставил его в небольшую плетёную корзину и обложил со всех сторон сухой соломой. Когда Ли Фэн закончит завтракать и отправится в Новую деревню, он отвезёт это матушке.

Ли Фэн, накормив Эр-хуана и вымыв руки, подошёл к столу. Увидев, как тщательно Лу Лю упаковал горшочек, не оставив себе ни капли, он невольно улыбнулся.

— Налей-ка себе чашку, попробуй.

Лу Лю послушно кивнул и наполнил пиалу для мужа. Но когда Ли Фэн пододвинул её обратно к нему, гээр замер, широко распахнув глаза.

— А? Мне?

Ли Фэн кивнул:

— Тебе.

Лу Лю никогда раньше не пробовал суп из свиного желудка. Желудок был всего один, и мяса в нём не так уж много, но на одну чашку вполне хватило бы.

Ли Фэн видел, как супруг старался: ходил к реке, долго вымывал и чистил требуху, поэтому хотел вознаградить его. В этом году расходы были немалыми, но серебро в руках ещё

оставалось. Ли Фэн планировал сначала задобрить матушку, а Лу Лю пусть пока просто снимет пробу. Позже, когда начнут готовить няньгао, он снова съездит в уезд, купит ещё один желудок и приготовит его уже специально для дома. С аппетитом Лу Лю он одним этим супом наестся до отвала.

Лу Лю никак не ожидал, что ему перепадёт такое лакомство. Он несколько раз удивлённо ахнул, и Ли Фэн, который поначалу просто посмеивался, заметил, как у гээра покраснели глаза.

— Ешь скорее, пока горячий. Холодным будет невкусно, — поторопил он его.

Лу Лю шмыгнул носом, пытаясь сдержать слёзы благодарности, но тут до него донёлся густой, аппетитный аромат.

Он подцепил палочками кусочек: мясо оказалось нежным и скользким. Не успел он толком распробовать вкус, как кусочек сам проскользнул в горло.

Трудно было сказать, вкусно это или нет, — он просто хотел ещё.

Трижды окунув палочки в чашку, Лу Лю поднял голову, чтобы сказать Ли Фэну, как это замечательно, и только тогда заметил, что у мужа супа нет. Растроганность мгновенно сменилась тревогой, и он поспешно попытался поделиться.

Забыл! Совсем забыл про него!

Но Ли Фэн отказался:

— Я такого уже вдоволь наелся, даже смотреть тошно. Не люблю.

Лу Лю не поверил. Разве может такая вкуснятина надоест?

Он настаивал, и Ли Фэну пришлось уступить: он съел несколько кусочков, но от бульона наотрез отказался. Наваристый суп — вещь целебная, пусть Лу Лю выпьет всё до капли.

Глядя на то, как они препираются из-за такой малости, Ли Фэн должен был бы раздражиться, но сердце его необъяснимо смягчилось. Лу Лю не просто вежливость проявлял — он действительно думал о нём, дорожил им и хотел разделить каждую кроху радости.

— Пей, — мягко сказал Ли Фэн. — Тебе нужно набираться сил, чтобы поскорее зачать дитя.

Лу Лю был прямодушен и уже не раз говорил мужу, что хочет ребёнка. Но когда об этом

заговорили за столом, он смутился. Вспомнилось, как перед свадьбой отец тоже готовил ему всякие вкусности, чтобы укрепить тело. Перестав спорить, он послушно принялся за суп.

На улице было холодно, и в чашке всё быстро остывало. Бульон был уже не обжигающим, а просто тёплым, но Лу Лю всё равно был доволен. Эта свежая сладость не шла ни в какое сравнение с обычным супом из жареных яиц.

Он облизнул губы, невольно выдавая своё удовольствие.

Утром Ли Фэн запряг повозку. Прихватив с собой Эр-хуана, он наказал супругу:

— Шунь-гээр придёт только после обеда. Если станет страшно одному, сходи к супругу Яо, посиди у него.

Лу Лю не боялся — он привык оставаться дома один.

Как только Ли Фэн уехал, он принялся за стирку. Вчерашняя одежда, хоть он и не заметил сразу, за ночь пропиталась каким-то странным запахом. Вчера они возились с курами, и Ли Фэн, боясь испачкать одеяло, просто набросил на себя первую попавшуюся вещь. Пришлось менять всё.

Запаха сырого мяса Лу Лю не боялся, но вот этот специфический аромат... его нужно было отстирать как можно скорее.

Шунь-гээр ещё не женат, будет ужасно неловко, если он что-то заметит.

Впрочем, когда его застал за этим делом уже женатый Яо Ань, Лу Лю всё равно едва не сгорел со стыда.

Супруг Яо дождался отъезда Ли Фэна и заглянул на огонёк.

— На днях, как только погода наладится, соберёмся на ярмарку, — сообщил он. — Ты заранее предупреди Да Фэна, пусть обедает в Новой деревне, чтобы зря не мотаться домой к холодной печи.

Лу Лю кивнул, старательно натирая одежду, а его щёки пылали маковым цветом.

Яо Ань, человек опытный, сразу всё понял по его лицу.

— Ох уж эти новобрачные! — подмигнул он, принимаясь поддразнивать Лу Лю. — Вот я за столько лет брака так заматерел, что с моей кожи хоть масло выжимай, никакой краской не

проймёшь!

Лу Лю лишь неловко хихикнул:

— Да нет же, вовсе нет...

Яо Ань было скучно, и, видя смущение соседа, он притащил табуретку, уселся поудобнее и принялся расспрашивать о том, как Лу Лю «служит» своему мужчине.

Лу Лю сам как-то обмолвился об этом, и теперь Яо Ань не унимался:

— Ты как тогда спросил, так два дня носа на улицу не показывал. Что случилось? Неужто и впрямь заставил Да Фэна себе прислуживать, а он тебя за это побил?

В снежные дни для молодых супругов не выйти из дома — дело ясное. А если и «побили», то разве что в пылу любовной схватки на кане.

Яо Ань хитро улыбался, требуя подробностей.

Лицо Лу Лю стало пунцовым. Он и сам не знал, имел ли Яо Ань в виду настоящую палку, когда говорил о «побоях». Он знал лишь одно: в деревне Ли мужчины в большом почёте.

Ради чести Ли Фэна он поджал губы и выдавил:

— Побил.

Яо Ань так и замер:

— Прямо-таки побил?!

Он был искренне возмущён:

— Да как же так? Твой Да Фэн с виду такой рассудительный человек, неужто простой шулки не понял?

Лу Лю понял, что перегнул палку, и поспешил исправиться:

— Но он мне прислужил!

Яо Ань немного расслабился.

«А, ну точно, забавы молодых», — подумал он и снова хихикнул:

— И как же прислужил?

Простодушный Лу Лю ответил не задумываясь:

— Лапшу мне варил, лепёшки пёк и кашу готовил!

Яо Ань лишился дара речи.

Он даже не знал, чему удивляться больше. Ну и парочка, как они вообще живут? Он сам из деревни Ли, здесь и родился, и женился, но никогда не слышал, чтобы местный мужик на кухне хозяйничал. А Ли Фэн не просто зашёл, он ещё и готовил для супруга! О таком грех не посудачить.

Он перекинулся с Лу Лю ещё парой слов и поспешил домой. А там как раз соседки зашли обсудить поездку на ярмарку — чья повозка поедет, к кому пристроиться.

— Я попрошу Да Цяна запрячь, — сказал Яо Ань. — Он сейчас без дела мается, пусть отвезёт нас в уезд.

Слова так и рвались наружу — уж очень хотелось обсудить семейство Ли. Но прямо сказать, что Ли Фэн у плиты стоит, он побоялся — вдруг тот обидится и припомнит ему это? Поэтому он решил зайти с другой стороны:

— Если так отходить, что с кровати не встать, кто же тогда готовить будет?

Слово «кровать» в сочетании с «готовкой» мгновенно пробудило у женщин живейший интерес.

Услышав, что Ли Фэн «отходил» Лу Лю так, что тот подняться не может, женщины понимающе заулыбались:

— Ох, Яо Ань, ну и мастер ты новости разузнавать! А я-то смотрю, Да Фэн своего гээра так бережёт. Слышали, как на пиру у Сань Мяо он сразу заявил, что супруг у него стыдливый, и даже смеяться над ним не позволил?

Яо Ань заволновался:

— Да нет же, я про готовку!

Кому какое дело до побоев, когда тут мужик у печи! Но у всех сработала привычная логика: раз гээр не может готовить, значит, в доме шаром покати.

— Бедняжки, в такой мороз — и у холодного очага...

Яо Ань только вздохнул. С этими женщинами каши не сварить.

Он решил закрыть тему и перевёл разговор на покупки. Когда гости разошлись, он увидел, как мимо дома проезжает Шунь-гээр на муле.

— Шунь-гээр, ты куда? Неужто сегодня няньгао не бьёте?

Шунь-гээр ответил, что едет помогать Лу Лю с вяленным мясом.

Яо Ань усмехнулся:

— Сколько же там того мяса, что помощь нужна?

— Не знаю, — пожал плечами парень. — Наверное, брат просто решил дать мне отдохнуть.

В Новой деревне работа кипела, от готовки все уже с ног валились.

А соседки, стоявшие у ворот, вставили свои пять копеек:

— Да какая там помощь! Твой брат так своего супруга отходил, что тот с кровати встать не может. Если ты не придёшь мясо солить, оно же пропадёт!

Шунь-гээр: !!!

Яо Ань: ???

Супруг Яо только рукой махнул, прогоняя сплетниц.

— Идите уже, языками чесать мастера!

Шунь-гээр, не дожидаясь продолжения, припустил к дому брата.

А Лу Лю тем временем как раз закончил развешивать бельё. Шунь-гээр влетел во двор как ошпаренный:

— Брат тебя бил?!

Лу Лю опешил:

— А?

— Я спрашиваю, он тебя бил?! — Шунь-гээр места себе не находил от волнения.

Лу Лю растерянно покачал головой:

— Нет... С чего ты взял?

Шунь-гээр с облегчением выдохнул:

— Я так и знал. Не мог мой брат руку поднять.

Он отвёл мула в загон на заднем дворе, а когда вернулся, добавил:

— Я сейчас мимо дома Яо Аня проезжал, там все только об этом и говорят!

Лу Лю замер, а потом его охватил ужас. Судя по реакции Шунь-гэера, «побои» в деревне Ли вовсе не считались делом почётным.

«Что же это получается? Неужели Яо Ань имел в виду настоящую трёпку? Почему мне никто не сказал?!»

Он места себе не находил от стыда. Что же он наделал, сам ведь наговорил лишнего!

Он усадил Шунь-гэера в комнате:

— Я тебе сладкой воды налил, попей. А мне нужно к супругу Яо заскочить, спросить кое-что.

Ему нужно было срочно всё объяснить.

Но стоило ему переступить порог соседа, как Яо Ань запричитал:

— Я всё понимаю, всё знаю! Я и сам не хотел об этом болтать, ты ведь не сердишься на меня?

Лу Лю едва не плакал:

— Они теперь будут говорить про Да Фэна гадости?

— Да что ты, — отмахнулся Яо Ань. — Кто же посмеет?

Лу Лю, не привыкший к деревенским нравам, не знал, что в таких местах слухи разлетаются быстрее ветра. Он поверил соседу на слово и вернулся домой шить рукавицы вместе с Шунь-гээр.

Тот обрадовался, узнав, что Лу Лю уже сам засолил всё мясо.

— А брат-то переживал, говорил, что ты не справишься.

Лу Лю всё сделал сам. Он не стал говорить Эр-хуану про свадьбу, но хотел, чтобы Ли Фэн взял пса с собой в Новую деревню поиграть. Поэтому он просто сказал мужу, что занят мясом, а тот и не проверял.

Он достал корзинку с шитьём и спросил Шунь-гэера, умеет ли тот кроить большие рукавицы:

— Я раньше таких не делал.

В деревне дел всегда невпроворот: на улице руки в рукава прячешь, дома у огня греешься — зачем зря хлопок переводить?

Но Шунь-гээр был мастером в этом деле. Он взял кусок шкуры, уголёк и быстро набросал контуры.

— Это отцу?

Лу Лю чуть было не кивнул, но вовремя вспомнил, что отец теперь ему «второй дядя».

— Второму дяде, — поправился он.

Шунь-гээр слышал о нём от Ли Фэна — брат говорил, что тот человек очень щедрый.

Кстати, о щедрости: сегодня Шунь-гээр тоже отведал супа из желудка.

— Очень вкусно получилось. Матушка ела да нахваливала, а брат тебя и вовсе превозносил. Матушка велела передать тебе сто монет, чтобы ты на ярмарке себе чего-нибудь присмотрел.

Чэнь Гуй-чжи видела, как Ли Фэн дорожит супругом, и знала, что сын его ничем не обделит.

Но эти сто монет — хоть и не на крупную покупку, а на всякие мелочи хватит. У Лу Лю приданого было кот наплакал, только тёплая одежда, чтобы не замерзнуть. Пусть у него будет побольше своих денег, чтобы на ярмарке прикупить всё необходимое для хозяйства.

Шунь-гээр достал кошелёк и отсчитал монеты.

Лу Лю принял их, и глаза его снова заблестели.

— Матушка так добра ко мне.

Шунь-гээр улыбнулся:

— Она только на язык острая, сама потом увидишь.

Лу Лю закивал. Он решил, что нужно съездить на ярмарку, пока мясо ещё не вывесили сушиться, иначе дом нельзя будет оставить ни на минуту — нужен глаз да глаз.

Пока погода позволяла, он стирал и сушил всё подряд. В доме их всего двое, но стирка — дело долгое. Если сейчас всё привести в порядок, то к праздникам останется только пыль протереть.

Всё утро они шили рукавицы — сначала кроили, потом намётывали. В обед принялись за готовку.

Продуктов в доме было вдоволь, но Лу Лю начал экономить. Он думал, что Шунь-гээр, привыкший к бережливости матушки, оценит такой подход.

На обед была жареная зелень с ломтиками мяса, а потом те же ломтики он пережарил с соленьями. Раз уж Шунь-гээр зашёл, Лу Лю приготовил и рыбный суп.

Ли Фэн с Эр-хуаном обедали в Новой деревне.

Шунь-гээр, глядя на то, как Лу Лю хозяйничает, рассмеялся:

— Матушка делает точно так же! А я вот не люблю, мне подавай, чтобы в каждом блюде мясо было. Матушка ворчит, мол, с такими запросами меня в жёны не возьмут, надо, говорит, привычки менять.

Лу Лю осенило. Вот почему Ли Фэн не замечал, что одно и то же мясо дважды на стол подают — он к этому с детства привык!

Он не стал спорить с Шунь-гээр. Была бы возможность, он бы и сам мясо ел трижды в день,

на завтрак, обед и ужин.

После обеда они разговорились. Шунь-гээр рассказывал о домашних делах, в основном о втором брате и его жене. Сейчас у них всё вроде наладилось.

— После того как ты сказал, что он послушный, он так взбеленился! Теперь матушка постоянно подначивает его, мол, во всём жену слушается. Так он, чтобы доказать обратное, теперь всё делает ей наперекор.

— Мне это не очень нравится, — вздохнул Шунь-гээр. — Ладят они или нет, а в доме всё равно шум да гам. Я бы хотел, чтобы они отдельно жили, но матушка говорит, что за вторым братом ещё присматривать надо.

Лу Лю понимал Чэнь Гуй-чжи. Если бы Эр Тянь был покрепче характером, она бы со своим младшим сыном жила припеваючи. К ним с Да Фэном она почти не заглядывала и нотаций не читала. Беда в том, что Эр Тянь сам по себе человек ненадёжный, и дело тут даже не в жене.

Лу Лю не знал, что сказать, поэтому промолчал.

Шунь-гээр подождал немного и поднял голову:

— Тебе и сказать-то нечего?

— Я верю, что у матушки обязательно найдётся решение! — выпалил Лу Лю.

Шунь-гээр только хмыкнул. Хоть и лесть, а приятно.

Когда пришло время, Шунь-гээр собрался уходить. Ужинать он здесь не стал — хотел вернуться в Новую деревню, чтобы Ли Фэн мог забрать повозку и не идти пешком.

Лу Лю хотел было дать ему с собой горшочек рыбного супа для матушки, но тот отказался.

— В другой раз. Сегодня уже суп из желудка был, если ещё и рыбный выпить, матушка ночью глаз не сомкнет.

А сам Шунь-гээр был не прочь полакомиться, он-то спит крепко.

Проводив гостя за ворота, Лу Лю вернулся собирать бельё. На солнце одежда высохла быстро. Вчерашнее он аккуратно сложил, а сегодняшнее, ещё влажное, развесил на бамбуковом шесте в сарае.

Пришло время готовить ужин. Вспомнив о Ли Фэне, он снова подумал о «побоях». Когда муж вернётся, нужно будет во всём признаться и задобрить его чем-нибудь вкусненьким.

«Если Да Фэн будет сыт и доволен, он не станет сердиться», — надеялся Лу Лю.

Ли Фэн вернулся поздно. Уже совсем стемнело, дороги было не разобрать.

Лу Лю, который уже начал беспокоиться, сидел у супруга Яо. Увидев повозку, он выбежал навстречу, запрыгнул на ходу и, доехав до дома, сразу бросился греть воду, чтобы муж мог умыться.

— Почему так поздно?

— Эр Тянь с женой на отработках, оба злые как черти, — ответил Ли Фэн. — Брат теперь жену ни в грош не ставит, та в отместку специально лишний чан риса запарила. Пришлось дожидаться, пока всё доварится и няньгао отобьём, вот и задержался.

Лу Лю не знал, что и сказать. Он ведь обещал Ли Фэну поговорить с ними. С Эр Тянем уже пробовал, может, теперь к Ван Дун-мэй подойти?

Он поделился этой мыслью с мужем, но тот лишь рассмеялся:

— Даже не думай. После твоих уговоров они точно разбегутся.

Лу Лю надул губы. Он ведь в прошлый раз почти ничего не сказал, Эр Тянь сам завёлся!

Ужин удался на славу. Чтобы задобрить мужа, Лу Лю не пожалел мяса ни в овощи, ни в рагу. Вся его дневная экономия улетела за один присест.

Ли Фэн ел с аппетитом, даже не подозревая, что супруг его «подкупает». Лу Лю всегда был таким заботливым, что он и не заметил разницы.

А гээр всё никак не мог решиться. Он то и дело вскакивал: то в конуру к собаке заглянет, то кроликов проверит, то Эр-хуана погладит. Наконец, пришло время парить ноги.

В этот раз он даже не пытался в шутку наступить Ли Фэну на ноги, чем и вызвал подозрение.

Обычно Лу Лю называл это «прислуживать при мытье ног».

— Что это ты сегодня мне не прислуживаешь? — спросил Ли Фэн.

Услышав это слово, Лу Лю не выдержал и выложил всё как на духу.

Ли Фэн выслушал его и замолчал.

— То есть, — медленно проговорил он спустя минуту, — ты, заботясь о моей чести, раззвонил всем, что я тебя отходил так, что ты с кровати встать не можешь?

Лу Лю только угукнул и спрятал лицо.

Видя, что Ли Фэн снова замолчал, он поспешно добавил:

— Я вечером специально вкусного наготовил, ты всё съел, так что сердиться нельзя!

Ли Фэн усмехнулся:

— Если хотел меня задобрить, надо было «есть цыплёнка».

Лу Лю вспыхнул до корней волос.

В этот вечер Ли Фэн сам «прислуживал» ему: разминал ступни, щекоча подошвы. Тазик был маленьким, вернуться не получалось, и Лу Лю, как и прежде, придавил ноги мужа своими, чтобы тот не озорничал.

— Ну так что, — спросил Ли Фэн, глядя ему в глаза, — хочешь, чтобы я тебя побил, или хочешь «отведать цыплятинки»?

Лу Лю немного подумал и ответил:

— Тогда побей.

Так, по крайней мере, его слова не будут ложью.

Но «побой» Ли Фэна были совсем не теми, о которых думал Лу Лю.

Впрочем, в конце концов всё свелось к «цыплятинке» — разницы никакой.